

О памятникахъ Отечественной войны.

Неожиданный оборотъ, принятый войною нашею съ соединенной подъ властію Наполеона Европой, быстрое изгнаніе враговъ и цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ надъ ними, послѣ предшествовавшаго этимъ побѣдамъ ряда крупныхъ военныхъ неудачъ, приведшихъ къ потерѣ столицы, произвели необыкновенный энтузіазмъ какъ въ правительствѣ, такъ и во всемъ русскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ первыхъ минутъ восторга повсюду возникала мысль о необходимости увѣковѣчить радостныя событія подобающими имъ памятниками, которые бы свидѣтельствовали самому отдаленному потомству о незабвенной борьбѣ.

Уже 14 ноября 1812 г. появился Высочайшій манифестъ на имя московскаго главнокомандующаго, графа Ѳ. В. Растопчина слѣдующаго содержания:

„Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолѣніемъ противопоставленной ему обороны вошелъ въ нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для война зажиганій, грабительства и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однако же онъ не перестанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для униженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли Мы генераль-фельдмаршалу князю Кутузову всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ артиллерію препровождать въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ, дерзнувшихъ вступить въ Россію, непріятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ отня-

тыхъ у нихъ орудій воздвигнуть бытъ увѣнчанный лаврами столпъ. Да свидѣтельствуеть сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ. Вслѣдствіе сего имѣете вы сдѣлать надлежащее распоряженіе о приѣмѣ и храненіи сей артиллеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до нашего свѣдѣнія“¹⁾.

Вслѣдствіе этого манифеста въ началѣ 1813 года представлено было на Высочайшее благоусмотрѣніе три проекта этого памятника, изъ которыхъ два выставлены были на выставкѣ въ Академіи Художествъ въ 1814 г., а въ 1817 г. А. Н. Оленинъ издалъ ихъ описаніе въ брошюрѣ: „Опытъ о правилахъ медальернаго искусства. Съ описаніемъ проектовъ медалей на знаменитѣйшія происшествія съ 1812 по 1816 г. и трехъ проектовъ памятника изъ огнестрѣльныхъ орудій, отбитыхъ у непріятелей въ 1812 г. Спб. Folio“.

По одному изъ этихъ проектовъ памятникъ имѣлъ видъ роstralной колонны и представлялъ усѣченную пирамиду съ вдѣланными въ бока ея пушками, на подобіе ростровъ; по другому—памятнику предполагалось дать „наружный видъ огромной пушки, укрѣпленной винградомъ своимъ на твердый пьедесталь“, а по третьему—памятнику предполагалось дать видъ Троянова или Антонинова столпа, обвитаго двумя полосами, изъ которыхъ одна составлена была изъ отбитыхъ у непріятеля орудій, безъ переливки, а другая изъ барельефовъ, представляющихъ подвиги Русскаго народа и бѣдствія, постигшія враговъ Россіи.

Все это предполагалось съ условіемъ, чтобы „употреблять какъ можно менѣе ваятельныхъ украшеній въ сихъ памятникахъ, дабы вниманіе на лучшее украшеніе оныхъ, состоящее изъ отбитыхъ у непріятеля орудій, не развлечъ многими аллегорическими фигурами, слишкомъ богатыми трофеями или архитектурными украшеніями“.

Однимъ словомъ, проектировались самыя ординарныя и лишеныя всякаго художественнаго значенія колонны и пирамиды. Примѣрная надпись на этихъ памятникахъ, составленная на латинскомъ языкѣ С. С. Уваровымъ, гласила: „Александру Первому, по плѣненіи Москвы о спасеніи царства не усумнившемуся, благочестивая Россія“.

Проекты эти не понравились и современникамъ, какъ видно изъ отзыва К. Н. Батюшкова въ статьѣ его: „Прогулка въ Акаде-

¹⁾ Ф. Сивельниковъ. Жизнь кв. Голенищева-Кутузова, ч. IV (Спб. 1813), стр. 69—70.

мію Художествъ“. Онъ нашель, что оба выставленные въ Академіи проекта „не соотвѣтствуютъ прекрасной и высокой мысли“. Также думаль, вѣроятно, и Оленинъ, давшій Батюшкову канву для статьи.

Послѣ сраженія *при Тарутинѣ* фельдмаршалъ кн. Кутузовъ написалъ владѣлицѣ этого села, Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной, слѣдующее письмо:

„Село Тарутино, вамъ принадлежащее, ознаменовано было славною побѣдою Русскаго войска надъ непріятельскимъ. Отнынѣ имя его должно сіять въ нашихъ лѣтописяхъ на-ряду съ Полтавою, и рѣка Нара будетъ для насъ также знаменита, какъ и Непрядва, на берегахъ которой погибли безчисленныя ополченія Мамаю. Покорнѣйше прошу васъ, милостивая государыня, чтобы укрѣпленія, которыя устрашили полки непріятельскіе и были твердою преградой, близъ коей остановился быстрый потокъ разорителей, грозившій наводнить всю Россію,—*чтобъ сіи укрѣпленія остались неприкосновенными*. Пускай время, а не рука человѣческая, ихъ уничтожить; пускай земледѣлецъ, обрабатывая вокругъ ихъ мирное свое поле, не трогаетъ ихъ своимъ плугомъ, пускай и въ позднее время будутъ они для Россіянъ священными памятниками ихъ мужества; пускай наши потомки, смотря на нихъ, будутъ воспламеняться огнемъ соревнованія и съ восхищеніемъ говорятъ: вотъ мѣсто, на которомъ гордость хищниковъ пала предъ неустрашимостью сыновъ отечества! Сосѣдъ вашъ, князь Волконскій, вызывается поставить памятникъ Русскимъ воинамъ на землѣ, принадлежащей ему въ селеніи Леташевкѣ; но вы не имѣете нужды воздвигать памятниковъ. Тарутинскія укрѣпленія, грозно возвышающіяся между спокойными вашими нивами, будутъ сами по себѣ неизгладимыми слѣдами русскаго мужества и русской славы“ ¹⁾.

Уцѣлѣли ли Тарутинскія укрѣпленія, не знаю; но впоследствии село Тарутино досталось по наслѣдству гр. Н. П. Румянцеву, который, желая увѣковѣчить память о Тарутинскомъ сраженіи, ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ „объ увольненіи въ свободныя хлѣбопашцы крестьянъ сего села, съ прикосновенной оному селенію деревней Границевой, всего 439 душъ, отдавая имъ всѣ угодья, безъ всякаго за то возмездія“. А крестьяне, съ своей стороны, изъявили желаніе воздвигнуть въ своемъ селѣ на собственный счетъ памятникъ знаменитой побѣдѣ. Оба желанія удостоились Высочайшаго одобренія, и Тарутинскій памятникъ былъ торжественно открытъ 25-го іюня 1834 г., въ день

¹⁾ Писаревъ: Военныя письма, ч. I, стр. 88—90, выноска.

рожденія Императора Николая Павловича ¹⁾, при чемъ одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ, 80-лѣтній старецъ, сочинилъ стихотвореніе, въ которомъ такъ прославлялъ село Тарутино:

„Тарутино! тебѣ отъ Провидѣнья
Дано сіять безсмертіе въ лучахъ;
Кто предъ собой стлалъ ужасъ разрушенья,
Того твой станъ одинъ приводитъ въ страхъ“.

Извѣстно, что въ 1814 г. русское дворянство намѣревалось построить памятникъ самому Императору Александру, но онъ не допустилъ этого. Какими суммами дѣлались пожертвованія на этотъ памятникъ, видно изъ того, что графъ и графиня Браницкіе внесли 100.000 рубл. ассигн., которые впоследствии переданы были графиней Браницкой въ инвалидный капиталъ ²⁾. Впоследствии, уже въ царствованіе Императора Николая I, въ Москвѣ сооружены были триумфальныя ворота въ память Императора Александра I, и по этому поводу нѣкій Михаилъ Максимовъ издалъ брошюру: „Чувствованія при воззрѣніи на колоссальныя врата, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ сооруженныя во славу благословенной памяти Александра I, воздвигшаго изъ цепла и отеческимъ попеченіемъ украсившаго первопрестольный градъ сей, лѣта 1812, во время нашествія Галловъ и съ ними двадцати языкъ огню преданный“. Москва 1834.

Въ царствованіе же Императора Николая I сооруженъ былъ памятникъ Императору Александру I въ Петербургѣ,—знаменитая Александровская колонна, а также поставленъ памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

При немъ же объявленъ былъ въ 1835 году конкурсъ на составленіе проектовъ монументовъ на главнѣйшихъ поляхъ сраженія достопамятнаго 1812 года, воздвигаемыхъ по Высочайшему повелѣнію Императора Николая I. Срокъ представленія проектовъ назначенъ былъ 1-го мая 1836 года ³⁾.

Кромѣ увѣковѣченія важнѣйшихъ событій, памятниками и пожертвованіями чтятся заслуги выдающихся дѣятелей Отечественной войны. Въ 1813 г., по поводу смерти фельдмаршала кн. Кутузова, Императоръ Александръ писалъ его супругѣ Екатеринѣ Андреевнѣ:

¹⁾ „Московск. Вѣд.“ 1834, № 76, стр. 3533.

²⁾ „Русск. Инв.“ 1821, № 152, стр. 610.

³⁾ „Московск. Вѣдом.“ 1835, № 98, стр. 4889—4890.

„Въ честь ему воздвигается памятникъ, при которомъ Россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться; чужеземецъ же уважить землю, порождающую столь великихъ людей“. Въ 1818 г. въ именномъ указѣ на имя министра полиціи, гр. С. К. Вязмитинова, эта мысль получила осуществленіе въ рѣшеніи воздвигнуть памятникъ Кутузову и Барклаю-де-Толли на Казанской площади ¹⁾, исполненные по проекту скульптора Б. И. Орловскаго ²⁾.

Въ память сраженія при Кульмѣ Богемія прислала герою этого сраженія, графу Остерману, кубокъ, украшенный драгоценными камнями. Графъ Остерманъ, приказавъ вырѣзать на этомъ кубкѣ имена полковыхъ командировъ, участвовавшихъ въ Кульмскомъ сраженіи, и оберъ-офицеровъ, лишившихся въ этомъ сраженіи жизни, пожертвовалъ кубокъ въ Преображенскій полкъ на храненіе, съ тѣмъ, „дабы оный отнынѣ на всегда каждый великій постъ подаваемъ былъ въ полковой церкви, послѣ приобщенія святыхъ таинъ, нижнимъ чинамъ съ теплотою, вмѣсто сосуда, Греко-Россійскою церковію при семъ случаѣ употребляемаго“. Государь Императоръ, въ рескриптѣ своемъ командиру Преображенскаго полка, барону Розену, по поводу этого пожертвованія выразился: „Я съ великимъ удовольствіемъ приѣмлю на себя исполненіе сего благочестиваго распоряженія его (т. е. графа Остермана), тѣмъ болѣе, что кубокъ сей свидѣтельствуется вмѣстѣ какъ безсмертную славу, какою на поляхъ Богеміи увѣнчалась храбрая наша гвардія, такъ и чистосердечную благодарность Богемскаго народа, избавленнаго отъ угрожавшихъ ему бѣдствій. Мнѣ весьма пріятно видѣть, что къ столь достойному въ семъ знакѣ соединенію двухъ величайшихъ добродѣтелей, благотворенія и благодарности, присовокупляется еще благочестивое желаніе посвятить оный Тому, предъ Кѣмъ сердце наше, при всѣхъ громкихъ дѣяніяхъ и славахъ человѣческой, долженствуетъ благоговѣть и сокрушаться. Да будетъ сей кубокъ всегдашнимъ знакомъ и свидѣтельствомъ совокупленія сихъ высокихъ доблестей! Да съ піеніемъ изъ него теплоты напоятся чувства народныя теплымъ усердіемъ къ Верховному Владыкѣ и Спасителю народовъ“ ³⁾.

Графу Витгенштейну псковское купечество поднесло образъ Псковскаго чудотворца благовѣрнаго князя Гавріила съ надписью: „Защитнику Пскова, графу Петру Христіановичу Витгенштейну отъ купцовъ сего города, сентября 11-го числа 1812 года“. А жители

¹⁾ „Московск. Вѣд.“ 1834, № 94, стр. 4427.

²⁾ Статуя ангела на Александровской колоннѣ тоже его работы.

³⁾ „Сѣверн. Почта“ 1817, № 18.

Пскова, не довольствуясь поднесеніемъ образа, съ Высочайшаго соизволенія, соорудили въ храмѣ Пресвятой Богородицы памятникъ побѣдамъ графа Витгенштейна ¹⁾).

Въ селѣ своемъ Грузинѣ графъ Аракчеевъ воздвигъ памятникъ воинамъ полка его имени, павшимъ въ войнѣ съ французами ²⁾. Извѣстный скульпторъ и медальеръ нашъ, графъ Ф. П. Толстой, проектировалъ рисунки медалей на главнѣйшія событія Отечественной войны. Медали эти и копія съ нихъ въ настоящее время очень рѣдки и потому дороги, и даже описаніе ихъ и самые рисунки медалей, тогда же изданные, тоже считаются рѣдкими и цѣнятся очень дорого.

Но всѣ эти проявленія почтенія и уваженія къ отдѣльнымъ героическимъ событіямъ Отечественной войны и къ подвигамъ ея героевъ были слишкомъ малочисленны и слишкомъ незамѣтны, почему и не удовлетворяли доведеннаго до высшей степени напряженія патріотическаго чувства весьма многихъ тогдашнихъ патріотовъ и вызывали съ ихъ стороны жалобы на равнодушіе общества къ дѣяніямъ защитниковъ отечества. Такъ, напр., генераль-маіоръ Писаревъ въ сочиненіи своемъ: „Военныя письма и замѣчанія, наиболѣе относящіяся къ незабвенному 1812 году и послѣдующимъ“, изданномъ въ 2-хъ частяхъ Павл. Субботинымъ и Семен. Селивановскимъ въ Москвѣ, въ 1817 г., помѣстилъ цѣлую главу: „о памятникахъ въ Россіи послѣ войны 1812 года“, въ которой, между прочимъ, говоритъ:

„Въ недавнемъ времени, проѣхавши отъ Нѣмана до Невы рѣки и отъ Митавы до престольнаго города Москвы, нигдѣ на пути моемъ не встрѣтилъ я ниже признаковъ какихъ-либо памятниковъ, воздвигнутыхъ падшимъ на войнѣ въ защиту отечества или героямъ, исторгнувшимся со славою, изъ челюстей алчной смерти и освободившимъ многіе города и урочища отъ иноплеменныхъ, осквернявшихъ святую Русь въ 1812 году!.. Примѣчательный путешественникъ усматриваетъ только по сторонамъ большихъ дорогъ небольшіе бугры или насыпи на мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія: то суть общія могилы ратника и полководца, врага и соотечественника!..

Грустная надежда оставшимся и по одному пути шествующимъ съ падшими героями!.. Гдѣ же признательность и благодарность единосемцевъ? Гдѣ же любовь и дружба братій и родственниковъ?.. Гдѣ же хвала и ободреніе отъ степенныхъ и думныхъ мужей?.. Пробѣгалъ я излучистые берега рѣки Березины, обходилъ зубча-

¹⁾ Писаревъ: Военныя письма, 1817, ч. 1-ая, стр. 62 и 65.

²⁾ Писаревъ: Военныя письма, ч. 1-ая.

тыя стѣны Смоленска, обозрѣвалъ овраги Бородинскіе и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ воскрешалъ въ памяти моей всѣ дѣла, недавно собывшіяся, и вызывалъ тѣни усопшихъ героевъ изъ храма вѣчности, да урекнутъ соотечественниковъ своихъ въ забвеніи ихъ подвиговъ, запечатлѣнныхъ страдальческою смертію въ искупленіе отечества и сыновъ его!.. Такъ, будемъ признательны и вмѣстѣ съ онымъ справедливы: соорудимъ памятники нашимъ героямъ на мѣстахъ, гдѣ подвизались они за Вѣру, Отечество и Царя, на тѣхъ самыхъ ристалищахъ ихъ славы и чести; таковыя памятники вмѣстѣ будутъ и знаками побѣдъ и позорищемъ торжествъ нашего оружія,—оправдаемъ тѣмъ чувства наши, что „могила храбраго отечеству священна!“ Не нужно тутъ количество мрамора и мѣди, ни блеска самаго золота... Простая надпись: здѣсь лежитъ Суворовъ! вразумляетъ болѣе, нежели всѣ изящныя рѣзцы, трудившіеся надъ богатыми надгробными сооруженіями ¹⁾. Груда дикихъ камней, твердо сплоченныхъ и расположенныхъ по хорошему рисунку, дерновый высокій холмъ съ надписною плитою, къ которому бы велъ темный сосновый просадъ; гранитный усѣченный столбъ; часовня хорошаго зодчества и съ приличными изображеніями и надписью, и тысяча другихъ изображеній оправдали бы любовь къ отечеству и признательность къ доблестямъ нашихъ героевъ!

Посѣтите военное кладбище въ городѣ Прагѣ, что въ Богеміи; тамъ уже воздвигнуть памятникъ въ честь храбрымъ російскимъ офицерамъ, умершимъ въ городѣ отъ ранъ, полученныхъ ими въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Кульмомъ ²⁾. Надпись надъ онымъ достойна вниманія: „Герои! священъ вашъ прахъ странѣ сей, и память ваша незабвенна въ своемъ отечествѣ!“ Прочтите о памятникѣ Кульмскомъ, воздвигаемомъ въ городѣ Теплицѣ ратовавшимъ въ томъ краю... Заѣзжайте въ Дессау, Веймаръ, Готту, вездѣ найдете или торжественныя ворота или обелиски въ знакъ признательности и благодарности жителей!.. Подивитесь, что и самыя французы готовы увѣковѣчить памятникомъ наше торжество побѣдъ и ихъ избавленіе ³⁾... Загляните въ самый городъ Галла, и тамъ отъ малаго избытка жителей сооруженъ скромный памятникъ на берегу смиренной Саалы во брани умершимъ храбрымъ рато-

¹⁾ Въ С.-Петербургѣ, въ Невскомъ мон-рѣ надъ гробомъ Суворова одна только надпись: здѣсь лежитъ Суворовъ. Примѣч. Писарева.

²⁾ О семъ памятникѣ есть особое описаніе на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напечатанное въ Вѣнѣ съ рисунками, 1815 г. Примѣч. Писарева.

³⁾ См. книжку на франц. яз. „О благодарности французовъ и сооруженіи памятника Александру Первому“, сочин. бар. де-ла-Парелли. Парижъ 1814.

Примѣчаніе Писарева.

бордамъ!.. Но почто объѣзжать намъ страны чуждыя, дабы научиться чувствовать; перейдемъ у своихъ соплеменныхъ жителей Риги: тамъ, среди города, сооружается богатый и многостоящій памятникъ изъ мрамора и гранита, а при въѣздѣ градскомъ создаются торжественныя врата во славу побѣдъ прошлой войны 1812 г., изъ добровольнаго пожертвованія признательныхъ рижскихъ жителей къ избавителямъ ихъ страны и имуществъ ихъ!.. Городъ Псковъ оказалъ примѣрную свою благодарность герою Витгенштейну, оберегавшему ихъ область отъ непріятельскаго вторженія: признательные жители онаго города внесли въ соборный свой храмъ погрудь (т. е. грудной портретъ) сего яскупителя ихъ!.. Петрополь поднесъ сему же герою злато свое, да упрочить въ ономъ градѣ свое жилище!.. Надъ прахомъ достойнаго послѣдователя Суворова, князя Багратіона, въ селеніи Симахъ, стихотворная надпись, если не удивляетъ своею поэзіею, по крайней мѣрѣ напоминаетъ о героѣ и извлекаетъ слезы умиленія и признательности!..

Въ селеніи Совошнѣ сооруженное надгробіе указываетъ вамъ сокрытый прахъ героя Кульнева!..

Въ селеніи Леташевкѣ воздвигнуть будетъ памятникъ русскимъ воинамъ (по обѣщанію владѣльца)...

...Соображая все сіе, почему же невозможно ожидать достойныхъ послѣдователей въ достохвальныхъ таковыхъ подвигахъ, обнаруживающихъ доблесть души, качество ума и благородство достоинства ихъ... Итакъ, на берегу Нѣмана, въ Юрбургѣ, Ковнѣ или Меречи слѣдуетъ соорудить памятникъ, на которомъ бы означалось время перехода черезъ сію рѣку всѣхъ разнородныхъ полчищъ Наполеоновыхъ и время ихъ обратнаго бѣгства изъ Россіи!..

Прибрежныя владѣльцы, богатые помѣщики, соединясь душею и мыслию на сей предметъ и удѣля малость отъ избытковъ своихъ, весьма легко могутъ привести оное въ дѣйствіе! Въ городѣ Борисовѣ, или при самомъ берегу рѣки Березины, въ селеніи Студенцахъ, увѣковѣчьте въ потомство и славу вашего оружія и чувства вашей признательности! Въ Могилевѣ прославьте князя Багратіона, Раевского. Въ Красномъ ознаменуйте славнѣйшую въ лѣтописяхъ военныхъ побѣду вашу. Въ Полоцкѣ, Витебскѣ, въ Смоленскѣ внесите въ соборъ имена прославленныхъ героевъ и падшихъ воиновъ подъ стѣнами градовъ, при дверяхъ жилищъ вашихъ,—они смертію своею заслужили вѣнецъ безсмертія и требуютъ онаго отъ васъ! Память ихъ должна быть священна,—вѣра сама приѣмлетъ ихъ какъ страдальцевъ, тружениковъ юдольнаго міра сего! Имена ихъ научатъ не щадить и самую жизнь за вѣру, отечество и царя; что священнѣе сего поученія!.. Итакъ, почему въ церквахъ не

выставить на приличныхъ мѣстахъ черныя мраморныя доски съ именами убитыхъ подъ стѣнами самаго того города или селенія: чиновниковъ прописью ихъ именъ; рядовыхъ, буде ихъ большое количество, однимъ числомъ, съ означеніемъ только полковъ ихъ. Къ прискорбію моему долженъ здѣсь упомянуть я, что въ самомъ Смоленскѣ едва кто знаетъ, гдѣ зарытъ прахъ Энгельгардта и Шубина ¹⁾, разстрѣлянныхъ непріателемъ за любовь ихъ къ отечеству своему!.. Ни въ одномъ домѣ не видѣлъ я портретовъ ни кн. Кутузова, ни Раевского, ни Коновницына, защищавшихъ городъ, елико возможно, противъ многочисленныхъ силъ непріятельскихъ (Портреты сихъ героевъ продаются гравированные)!.. Въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ едва-ли кто знаетъ, что графъ Милорадовичъ спасъ сіи города отъ всеобщаго пожара и лютости вражеской! Въ Мало-Ярославцѣ помнятъ ли о подвигѣ генерала Дохтурова и его соучастникахъ въ кровавой битвѣ подъ ихъ городомъ? Что окажетъ примѣрнаго Калуга въ своей благодарности за спасеніе цѣлой ея области кн. Кутузовымъ?.. Въ селѣ Бородинѣ уцѣлѣвшая отъ ядеръ и бомбъ каменная церковь во имя Архангела Михаила, по изгнаніи непріятелей, теперь упразднена и даже самый ея приходъ причисленъ къ другой церкви!.. Я бродилъ тутъ по сельскому кладбищу и неумышленно попиралъ ногами героевъ; ибо все опало, все въ запустѣніи. По оврагамъ, прилежащимъ къ сему, есть общія могилы, на иныхъ деревянныя кресты указываютъ только набожность земледѣльца, вспахивающаго ближняго своего ниву!.. Для Бородинскаго памятника всѣмъ дворянамъ и имущему купечеству губерніи, казалось бы, слѣдовало состязаться въ добровольномъ удѣлѣ своего излишества!.. Но въ мечтаніяхъ моихъ слышатся мнѣ голоса стяжательныхъ или, вѣжливѣе сказать, бережливыхъ помѣщиковъ: сооруженіе таковыхъ памятниковъ есть дѣло правительства... Нѣтъ, милостивые государи, нѣтъ, то дѣло благородныхъ обществъ, признательностию воспламененныхъ, то дѣло частныхъ людей, вѣрою одушевленныхъ, добродѣтелию наставленныхъ; то дѣло васъ самихъ: отца, супруга, сына, родственника! Почто истреблять у себя и чувства и вѣру и исхитить изъ своихъ рукъ доброе дѣло? Почто не допускать себя въ сообщники благороднаго поступка или примѣрнаго подвига?.. Вы, только о себѣ пекущіеся, озабоченные приумноженіемъ своихъ излишествъ, на то ли всещедрыя небеса надѣлили васъ всѣми благами міра сего, дабы дѣланіями

¹⁾ См. манифестъ о нихъ отъ 30 авг. 1813 г. Примѣч. Писарева.

Подполковнику Павлу Энгельгардту открытъ въ Смоленскѣ памятникъ 3-го сент. 1835 г. („Моск. Вѣд.“ 1835, № 77, стр. 3785 и 3787). Ф. В.

своими прогнѣвляли вы и самое Провидѣніе? Нѣтъ, ваши возраженія несправедливы: мудрое правительство объемлетъ чертежъ общаго памятника: разогните книгу ущедренныхъ на всю ихъ жизнь за заслуги военныхъ и статскихъ людей,—однихъ, терявшихъ и свою собственность на службѣ царской, другихъ, озабоченныхъ дѣлами государственными!.. Навѣстите воспитательные, сиротскіе, учебные и страждущихъ немощію дома; перечтите миліоны для изувѣченныхъ; сознайтесь въ неисчетныхъ пособіяхъ разореннымъ, но между тѣмъ возрите на Петрополь; тамъ, въ великолѣпномъ храмѣ Казанскія Божія Матери, сооруженъ памятникъ витязю кн. Смоленскому. Герои Задунайскій и Рымникскій вскорѣ, можетъ быть, узрятъ его и близъ себя стоящаго... Въ престольной Москвѣ на Воробьевыхъ ея горахъ или среди самой Москвы, но предназначено уже воздвигнуть пространный и благолѣпный храмъ Спасу ¹⁾!.. Изваятся лики Пожарскаго и Минина!.. Обновятся по градамъ святой Руси ваши торжища и стогны. Се есть дѣло правительства и попеченіе онаго предусмотрительно!.. Да заградятся же уста нечестивыхъ и да преклонятся сердца на доброе“ ²⁾.

Патріотическое желаніе генерала Писарева, чтобы на всѣхъ главнѣйшихъ поляхъ сраженій достопамятнаго 1812 г. были воздвигнуты памятники, стало осуществляться уже въ царствованіе Императора Николая Павловича, когда объявленъ былъ конкурсъ на составленіе проектовъ этихъ памятниковъ. Срокомъ представленія проектовъ назначено было 1-ое мая 1836 г. ³⁾, но, кажется, конкурсъ этотъ не состоялся.

Но изъ всѣхъ проектированныхъ и осуществленныхъ памятниковъ самымъ важнымъ и замѣчательнымъ былъ храмъ во имя Христа Спасителя. долженствовавшій выразить всю глубину охватившаго русскихъ религіознаго чувства и всю степень смиренія и признанія воли Божіей въ дѣлахъ человѣческихъ, столь свойственныхъ русскому міровоззрѣнію и характеру вообще и съ такою ясностью сказавшихся въ эпоху Отечественной войны. Не только Императоръ Александръ, но и большинство русскихъ людей того времени приписывали столь внезапный и столь счастливый для

¹⁾ Книга Писарева вышла въ первой половинѣ 1817 (Ценз. пом. 6-го апр.). Въ это время, вѣроятно, еще неизвѣстно было, какое именно мѣсто избрано будетъ для построенія храма во имя Христа Спасителя, проектъ котораго, составленный А. Л. Витбергомъ, уже былъ одобренъ и принятъ Государемъ. Ф. В.

²⁾ См. вышеназванную книгу Писарева, стр. 253—266. Ф. В.

³⁾ См. „Москов. Вѣдом.“ 1835, № 98, стр. 4889—4890. Ф. В.

насъ оборотъ, принятый событіями, волѣ Божественнаго Провидѣнія, употребившаго русскихъ только какъ орудіе для наказанія и ниспроверженія человѣческой гордыни, въ лицѣ Наполеона, и господствовавшаго въ то время повсюду въ Европѣ невѣрія и безбожія въ лицѣ французовъ ¹⁾).

Желая нагляднымъ образомъ выразить это смиренно-религіозное настроеніе и передать потомству внутренній, сокровенный смыслъ совершавшихся событій, Императоръ Александръ остановился на мысли увѣковѣчить чудесное избавленіе отечества нашего отъ враговъ и неожиданное, внезапное превращеніе наше изъ обороняющихся въ побѣдителей построениемъ въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя и 25-го декабря 1812 года въ Вильнѣ, передъ самымъ переходомъ нашимъ черезъ границу, т. е. рѣшивъ уже принять на себя выпавшую на долю Россіи миссію освободительницы Европы, издалъ слѣдующій манифестъ:

„Объявляемъ военародно. Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва сама малѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы наши, есть явно изліянная на Россію благодать Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ російскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше! Да совершится оно! Да простоятъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило бла-

¹⁾ Я сказалъ, что такъ думало большинство тогдашнихъ русскихъ людей, потому что уже въ 1813 г., къ сожалѣнію, стали раздаваться голоса, умалявшіе и искажавшіе смыслъ совершавшихся событій. „Сколько великихъ дѣлъ полководцевъ нашихъ и народа русскаго“, говоритъ одинъ современникъ, „уже не въ томъ блескѣ принимаются. Одни—событіе славы нашей приписываютъ времени; другіе—поступки народа нашего, коего вѣра и любовь къ отечеству руководствовали, основываютъ на непросвѣщеніи онаго“. (А. Безобразовъ: „Краткое обозрѣніе подвиговъ російскаго дворянства“. Спб. 1813, стр. XI—XII. Ф. В.

годарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ“¹⁾).

Манифестъ этотъ былъ выраженіемъ общаго чувства, господствовавшаго повсюду. Всѣ твердили о необходимости, не ограничиваясь увѣковѣченіемъ памяти объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ, построить памятникъ, выражающій общій и главный смыслъ совершавшихся событій. Но въ какой формѣ это произвести—мнѣнія были различны. Мысль построить именно храмъ и именно Христу Спасителю принадлежитъ дежурному генералу первой арміи, бывшему впослѣдствіи статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, Петру Андреевичу Кикину, написавшему по этому поводу въ декабрѣ 1812 г. длинное письмо адмиралу А. С. Шишкову, состоявшему тогда государственнымъ секретаремъ и находившемуся при Императорѣ въ Вильнѣ. Такъ какъ это письмо П. А. Кикина касается именно вопроса объ увѣковѣченіи памяти событій Отечественной войны, и выражаетъ тогдашнее настроеніе русскихъ людей, то мы приводимъ здѣсь цѣликомъ: „Послѣ отъѣзда вашего изъ арміи мы ни о чемъ другъ другу не писали. Не мудрено: оба лѣнны. Къ тому же и обстоятельства были таковы, что не до писемъ. Каждый страдалъ душою и съ сокрушеннымъ сердцемъ ожидалъ общаго спасенія отъ единого милосердія Всевышняго. Нужно ли было чувства свои описывать другому, когда всѣ состоянія были въ одномъ положеніи и никакое отдаленіе никого не спасало; одно, что дѣйствительно усугубляло сильно страданіе наше и убивало, можно сказать, душу каждаго изъ воиновъ, было то, что укоризны цѣлаго государства падали на нихъ, какъ на защитниковъ отечества, долженствовавшихъ оградить его отъ гибели, или прежде принести себя въ жертву. Послѣдствія доказали, что всѣ умствованія человѣческія ничтожны и что остается только покориться Промыслу.оборотъ, который приняла война, есть неудобопонятный, и смѣло скажу, что самъ Наполеонъ, съ надменностію, ему единому въ толикой силѣ свойственной, бывъ въ положеніи нашемъ, едва-ли бы могъ возмечтать имѣть подобныя успѣхи. Увѣрить могу, что надлежало быть очевиднымъ свидѣтелемъ, дабы имѣть достаточное понятіе о всемъ происходившемъ; иначе всякое краснорѣчіе тщетно и самое пылкое воображеніе неудовлетворительно. Несмѣтная непріятельская сила, по малой мѣрѣ изъ 15-ти народовъ разныхъ соединенная, наводнившая, такъ сказать, Россію, въ теченіе восьми недѣль, совершенно исчезла, и гордый завоеватель и повелитель всея Европы, достигшій съ Москвою, казалось, послѣдней цѣли

¹⁾ Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. XXXII, № 25.296.

Ф. В.

своей, видитъ себя съ однимъ слабымъ прикрытіемъ въ рукахъ нашихъ, помышляя единственно о личномъ спасеніи своемъ. Разительный урокъ сей да охранитъ каждого отъ самонадѣянія, и да согласится всякъ, что нѣсть власть, аще не отъ Бога!

„Но время приступить къ цѣли моей, для коей токмо и началъ письмо сіе. Кто изъ насъ не возсылаетъ теплыхъ молитвъ ко Всевышнему? Чье сердце не преисполнено благодарности къ Богу, единственному Спасителю нашему? Кто не чувствуетъ сердечной необходимости ознаменовать признательность свою къ милосердію Его, явно покровительствующему намъ? Конечно, всѣ и каждый,— сіе безспорно! Но умы разнообразны, и всякій видитъ по-своему; почему мнѣніе мое подвергаю просвѣщенному уму вашему, отдавая должную ему справедливость. Всѣ вообще кричатъ: должно соорудить монументъ! Согласенъ и во всѣхъ отношеніяхъ нахожу сіе нужнымъ и даже необходимымъ; но вотъ бѣда: чтобъ согласиться, какой? Иной говоритъ—obeliskъ, пирамиду другой, а колонну— третій, и такъ далѣе, съ разными, по ихъ мнѣнію, надписями. Я мыслю, что памятникъ соотвѣтствовать долженъ во всемъ цѣли своей и времени, то есть когда и для чего воздвигнуть.

„Война сія, повидимому, долженствовала рѣшить судьбу Россіи, потрясти основанія гражданскихъ и политическихъ связей ея, и даже самой Вѣры, не есть обыкновенная; почему и памятникъ долженъ быть таковой же. Провидѣніе Божіе, помощію Вѣры и народнаго духа, спасло насъ. Ему благодарность,—и памятникъ Ему же принадлежитъ. Боже упаси насъ сдѣлаться несмысленными обезьянами обезьянъ древнихъ, забывъ (и въ какое при томъ время!), что мы не идолопоклонники. Обелиски, пирамиды и тому подобное льстятъ надменности и гордости человѣческой, но ни мало не удовлетворяютъ благородному, благодарности преисполненному сердцу христіанина. Итакъ сердце мое и умъ согласно требуютъ воздвигнуть храмъ Спасителю въ Москвѣ, подъ именемъ Спасскаго собора, который одинъ можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ ожиданію каждого.

„Я говорю—въ Москвѣ; ибо тамъ въ сердцѣ Россіи, надменный врагъ чаялъ нанести смертный ударъ народу русскому; тамъ дерзнулъ онъ на святотатство; тамъ Провидѣніе положило предѣлъ пагубнымъ замысламъ его на родъ человѣческой; тамъ началась гибель несмѣтныхъ силъ вражескихъ. Воздавъ Божіе Богови, тѣснѣ сопряжемся съ вѣрою, и потомство навсегда имѣть будетъ предъ глазами памятникъ признательности нашей къ Нему, а не киченію, приписывающему все себѣ: киченіе недостойное, непростительное и совершенно несправедливое въ сей войнѣ. Конецъ

18-го столѣтія довольно ознаменованъ ложными умствованіями, потрясшими вѣру въ большей части Европы; пожаръ сей, распространяясь, доходилъ до насъ, но къ счастью нашему однѣ искры успѣли токмо закрасться въ головѣ мнимо-просвѣщенныхъ. Ужасныя послѣдствія онаго, угрожавшія и намъ самимъ, не должны ли вразумить насъ? Не само ли Провидѣніе доставляетъ намъ удобный случай сей, дабы неоспоримо и разительно убѣдить cadaго въ томъ, что можетъ въ народѣ Вѣра! Испанія и Россія ясно то доказываютъ. Предположивъ даже и самаго невѣрующаго, не думаю, чтобъ могъ не согласиться, по однимъ видамъ такъ называемой политики, что сіе есть первая и сильнѣйшая пружина, помощію которой правительство можетъ вести многочисленныя народы къ цѣли своей; слѣдственно, и въ семъ случаѣ благоразуміе одно заставитъ сдѣлать то же.

„Чувствую, что напрасно распространяюсь о семъ съ вами: кто лучше и болѣе васъ убѣжденъ въ томъ? Итакъ, изложу токмо вообще, что бы мнѣ казалось нужнымъ; дополнить и усовершенствовать—ваше дѣло.

„Храмъ Спасителю—на великолѣпной площади (что теперь въ Москвѣ, кажется, не трудно будетъ); на площади сей изъ неприятельскихъ пушекъ сдѣлать искусственно ограду, или другое что, какъ-то: врата изъ пирамидъ или колоннъ, предоставляя художникамъ на произволь; внутри храма помѣститъ всѣхъ народовъ, съ нами воевавшихъ, знамена, штандарты и прочіе трофеи, разумѣется, что съ искусствомъ. Въ ономъ храмѣ непременно должно соорудить придѣлъ усопшимъ на полѣ чести, коихъ имена вырѣзать на доскахъ мѣдныхъ: нижнихъ чиновъ—числомъ, съ означеніемъ токмо полковъ, дворянства же всего поименно, ибо утѣшительно матери читать имя сына своего или сыну—имя отца, положившаго голову свою въ священную минуту защиты оскорбленнаго и гибнущаго отечества. Надпись на фронтовѣ, по моимъ мыслямъ, придумана лучше быть не можетъ и сообразнѣе цѣли всего памятника, какъ: Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу.

„Но я не кончилъ, и испрашиваю снисхожденія и терпѣнія; у кого журналы на столѣ, какъ у васъ, и громада бумагъ, какъ у меня, тому, кажется, терпѣнью не учиться.

„Итакъ, еще желалъ бы (жаль, что не въ моей власти и голосъ мой незначущъ!), чтобы назначено было трехдневное празднество ежегодно въ день очищенія границъ нашихъ отъ супостата: первый день посвященъ былъ бы Вѣрѣ, и слѣдственно для духовенства со всея Москвы крестный ходъ; молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и панихида за усопшихъ; войска подъ ружьемъ. Второй

день: празднество военное, дабы ежегодно возобновлялась память славы нашего оружія и чѣмъ каждый изъ воиновъ обязывается передъ отечествомъ. Третій день: празднество народное, предающее въ потомство безсмертную честь, каковою покрылись въ сію войну наши православные, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегдашній страхъ врагамъ земли Русскія.

„Могъ бы распространиться разсужденіями, доказательствами, но что истинно хорошо—не имѣетъ въ ономъ нужды; что же худо,—то дѣлается несноснымъ; и для того удержусь, оставляя на произволь рѣшенію вашему, коему покоряюсь, чувствуя ничтожность силъ своихъ. Мысли сіи о памятникѣ рождены были уже давно, и гораздо прежде, нежели я получилъ рисунокъ колонны г. Оленина ¹⁾, въ чемъ ссылаюсь на князя Петра Михайловича Волконскаго ²⁾, слѣдственно, не имѣя въ виду именно онаго рисунка его, не менѣе, какъ видите, я ожидалъ подобнаго. Прибавлю токмо то, что я остаюсь при мнѣніи своемъ, и замѣчу, что, не зная точно художника, могъ бы подумать на Томона, Готенбергера ³⁾ и проч., и отнюдь не хотѣлъ бы съ ними встрѣтиться въ мысляхъ въ подобное время. Я не болѣе поручилъ бы имъ, какъ искусственное устройство пушекъ вокругъ храма: сіе принадлежитъ художникамъ, ибо касается до вкуса и науки; а гдѣ должны входить чувства и сердце, то дѣло не ихъ.

„Позабылъ сказать о важнѣйшемъ пожертвованіи, которое я намѣренъ сдѣлать въ семъ случаѣ, и какого ни одна держава сдѣлать не въ состояніи. Еще за 2.500 лѣтъ въ Архипелагѣ, на островѣ Мелосѣ, находился большой обдѣланный камень, который служилъ жертвенникомъ жителямъ, въ идолопоклонствѣ тогда пребывавшимъ. Съ начала же самаго введенія христіанской православной вѣры и во время гоненія оной, жертвенникъ сей обращенъ былъ для принесенія на ономъ моленій Господу Богу нашему жителями острова Мелоса и другими, туда отъ гоненія укрывавшимися.

¹⁾ Объ этомъ рисункѣ упоминалось нами выше. Статсъ-секретарь Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, художникъ-археологъ, любитель и покровитель искусствъ, былъ въ это время директоромъ Публичной бібліотеки, а впоследствии—президентомъ Академіи Художествъ. Ф. В.

²⁾ Въ 1812 г. кн. П. М. Волконскій состоялъ при особѣ Государя. Онъ считается основателемъ русскаго генеральнаго штаба. При Императорѣ Николаѣ I былъ министромъ двора. Ф. В.

³⁾ Иностранные художники, поселившіеся въ Россіи. Томонъ, французскій архитекторъ, строитель биржи и большого театра въ Петербургѣ, Полтавскаго памятника и частныхъ зданій. Ф. В.

„Англійскій генералъ г. Вильсонъ ¹⁾, въ путешествіи своемъ, какъ драгоцѣнную рѣдкость, съ большими трудами и пожертвованіями, успѣлъ доставить оный, и имѣеть извѣстіе, что онъ привезенъ уже въ Англію. Его намѣреніе было и прежде отдать его Россіи, яко старшей церкви греческаго исповѣданія; узнавъ же отъ меня о планѣ моемъ, подарилъ его мнѣ, дабы я располагалъ имъ по моему произволу, съ условіемъ, чтобы то было въ Россіи. Я увѣренъ, что древность таковая, освященная чрезъ толикія столѣтія молитвами ко Всевышнему, дѣйствительно драгоцѣнна.

„Еще думаю я, что война сія, прославившая Россію, утвердившая и показавшая цѣлому свѣту силу и могущество ея, распространить пользу и на другіе народы, и если Богъ поможетъ намъ, то Испанія, Италія и другія державы одолжены будутъ намъ же спасеніемъ своимъ; въ такомъ случаѣ, конечно, они захотятъ участвовать въ созиданіи величественнаго и знаменитаго храма сего: украшая его, увеличатъ и увѣковѣчатъ вмѣстѣ честь и славу земли Русскія.

„Неблагодарно и несправедливо было бы умолчать, сколько мы обязаны твердости Государя нашего. Потеря Москвы намъ была тѣмъ разительнѣе, что мы страшились и, увѣряю честію васъ, что отъ перваго до послѣдняго всѣ содрагались даже отъ единого помышленія о мирѣ. Уничженіе, бремя тяжкое, удручало каждого! Но твердый и навсегда незабвенный отзывъ его полковнику Мишо ²⁾, неоднократно и въ разное время имъ повторенный, не токмо успокоилъ насъ, но вселилъ новую душу, и съ сея минуты просіяла несомнѣнная надежда возвратить Россію на прежнюю степень ея величія. Кто не знаетъ, что можетъ надъ умами человѣковъ твердость единого изъ нихъ, а тѣмъ паче Царя своего! Безпристрастный историкъ, конечно, выведетъ ужасныя послѣдствія, которыя война сія долженствовала имѣть для Россіи, если бы твердость Монарха ея не обратила всѣ бѣдствія въ источникъ будущаго ея благосостоянія. Важность войны сей, великія дарованія и могущество противника, совершенное истребленіе всѣхъ силъ его и спасеніе отечества помѣстило уже предводителя нашего на-ряду съ первѣйшими полководцами въ мірѣ. Наконецъ, мужество арміи и понесенные ею труды, равномѣрно участіе, которое имѣли всѣ

¹⁾ Находившійся во время Отечественной войны при нашей главной квартирѣ военнымъ агентомъ англійскаго правительства. Ему принадлежитъ довольно вѣрная и безпристрастная статья о русскомъ войскѣ.

Ф. В.

²⁾ Присланному Кутузовымъ съ допесеніемъ о потерѣ Москвы.

Ф. В.

состоянія гражданъ въ сей незабвенной войнѣ, должны обратить на себя вниманіе. Итакъ, можно бы на четырехъ сторонахъ храма соорудить на сей площади еще четыре обелиска: одинъ—Императору, другой—главноначальствующему, третій—войску, четвертый—народу. Но здѣсь останавливаетъ меня одна мысль: прилично ли, не надменно ли будетъ, воздвигая храмъ Спасителю, на вѣчную память нашей къ Нему признательности, присоединять къ оному памятники, въ честь самимъ намъ сооруженные? Впрочемъ, мнѣніе частнаго человѣка не есть рѣшительный приговоръ, и я весьма далекъ отъ подобнаго самолюбія. Предметъ государственный долженъ быть здраво обдуманъ людьми умными и знающими.

„Написавъ мнѣніе мое, предоставляю вамъ сдѣлать, по усмотрѣнію вашему, какое угодно употребленіе. Все, на что могу надѣяться, состоятъ въ томъ, что не откажете мнѣ изъясненіемъ мыслей вашихъ съ откровенностію на сей счетъ.

„Истинно и душевно почитающій и преданный вамъ Петръ Кикинъ. Декабря (число не поставлено) 1812 года, городъ Вильна ¹⁾“.

Выраженная въ этомъ письмѣ мысль генерала Кикина, осуществившаяся въ вышеприведенномъ Высочайшемъ манифестѣ 25 декабря 1812 года, встрѣчена была въ тогдшнемъ обществѣ съ большимъ сочувствіемъ и признана вполне выражающей одушевлявшія всѣхъ чувства.

Извѣстный впослѣдствіи писатель-романистъ, И. И. Лажечниковъ, непосредственный участникъ борьбы нашей съ французами, въ своихъ „Походныхъ запискахъ“ такъ отзывался на счастливую мысль Кикина: „отечественная война кончилась; но слава ея должна во всемъ величїи оживиться для нашего потомства. Не довольно, чтобы уста краснорѣчивыхъ старцевъ передали ее дѣтямъ и внукамъ своимъ; мало еще того, чтобы рѣзецъ и кисть по частямъ перенесли ее будущимъ поколѣніямъ и чтобы перо историка начертало ее на листахъ безсмертія: ей необходимъ памятникъ, который, смѣясь угрозамъ времени, переселялъ бы ее всю вдругъ во взоры и сердца потомковъ. Блестательный даръ краснорѣчія, неизъяснимая прелесть поэзіи, обворожительная власть живописи и ваянія, могутъ сильно дѣйствовать на чувства, науками утонченныя, на умы, просвѣщеніемъ образованные и ко всему изящному приготовленные. Но могутъ ли они имѣть такое вліяніе на умы и сердца простаго народа? Въ состояніи ли тронуть ремесленника, работника и земледѣльца, вышедшихъ изъ рукъ Природы съ чувствами, хотя

¹⁾ „Москвитянинъ“ 1846, I. 159—167. Перепечатано въ Берлинскомъ изданіи (1870). „Записки“ А. С. Шишкова. Ф. В.

способными ко всему прекрасному и великому, но необразованными вкусомъ и науками? Памятникъ Отечественной войны долженъ быть краснорѣчивъ для всѣхъ состояній. Надобно, чтобы онъ въ одно время дѣйствовалъ на взоры и душу воина, вельможи, купца и селянина; чтобы всѣ они умѣли понимать его величіе и сближаться имъ со славою сей войны. Нужно, чтобы памятникъ сей соединялъ въ одно время мужественныя дѣянія сыновъ Россіи, твердость духа ея Государя и милосердіе великаго Провидѣнія, въ 1812 году столь явно покрывшаго ее щитомъ своимъ. Воины-солдаты и воины-поселяне, защитники отечества, ожидаютъ сего памятника, какъ свидѣтельства ихъ храбрости, терпѣнія и любви къ родинѣ; Россія проситъ его для Монарха, хранителя ея свободы, имени и величія; народъ, исполненный чистой вѣры, требуетъ его для вѣчнаго воспоминанія милостей Творца и изъявленія Ему чувствъ благодарности. Какимъ же произведеніемъ искусства исполнять вдругъ надежду войска и гражданъ, мольбу Россіи и требованіе народа? Сооруженіемъ величественнаго храма, посвященнаго имени Спасителя, украшеннаго изображеніемъ Государя въ минуту рѣшительнаго его обѣта, окруженнаго трофеями нынѣшней войны и статуями умершихъ на поляхъ славы русскихъ героевъ! Москва, какъ славная жертва нынѣшней войны, должна обладать и гордиться симъ богатымъ памятникомъ.

„Мысль храма сего принадлежитъ генералу Кихину ¹⁾. Относя столь справедливо Богу успѣхи и славу Отечественной войны сей (не отнимая славы дѣяній отъ войска и вождя его), со всею основательностію и краснорѣчіемъ описываетъ онъ явныя благодѣянія небесъ и доказываетъ, что никакой памятникъ не можетъ быть приличнѣе храма во имя Спасителя; мысль счастливая, исполняющая общія желанія, и достойная быть приведена въ дѣйствіе! Говорятъ, что начертаніе сего храма представлено взорамъ Государя Императора; уже ласкаютъ насъ пріятнымъ для каждаго русскаго слухомъ, что оно имъ благосклонно принято и будетъ вскорѣ утверждено“ ²⁾.

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

Ф. В.

²⁾ Авторъ имѣлъ счастье видѣть заложеніе сего храма въ Москвѣ 12 октября 1817 года.

Примѣчаніе И. Лажечникова.

Дѣйствительно, 12 окт. 1817 г. въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ торжественно, въ присутствіи всей царской фамиліи, всего Московскаго духовенства, 50.000 войска и безчисленнаго множества народа совершена была закладка храма во имя Христа Спасителя по проекту архитектора А. Л. Витберга. Но самая постройка храма не состоялась по причинамъ, изложеніе которыхъ не входитъ въ планъ этой статьи.

Извѣстный начальникъ университетской типографіи въ Москвѣ, Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, питомецъ Новиковскаго кружка, въ изданной имъ первой книжкѣ „Историческаго, Статистическаго и Географическаго журнала“ на 1813 годъ, также привѣтствовалъ Высочайшій манифестъ о построеніи храма во имя Христа Спасителя въ статьѣ: „Чувствованія издателя при чтеніи сего манифеста“. Благочестивая мысль Императора дала Невзорову поводъ указать читателямъ на недостаточность одного только наружнаго благочестія и необходимость искренняго нравственнаго возрожденія общества.

„Благодаримъ Господа, говоритъ онъ въ своей статьѣ, оправдавшаго надъ нами царствовать Монарха, толикіе знаки благоговѣнія къ Богу и благочестіе являющаго; поклонимся и припадемъ съ нимъ ко Христу Сыну Божію, спасающему насъ силою и заслугами своими, но поклонимся духомъ и истиною, а не единою наружною набожностію, не единымъ хожденіемъ во храмъ, посвященный имени Его, и не единымъ обряднымъ приношеніемъ Ему десятины, которую приносятъ и фарисеи“.

Подтвердивъ свою мысль примѣрами изъ Библии и исторіи, показывающими, къ какимъ бѣдствіямъ приводитъ людей замѣна истинной вѣры одними наружными обрядами, онъ оканчиваетъ свою статью словами: „Итакъ, когда мы не одною наружностію, но дѣлами и любовію къ ближнимъ будемъ чтить Спасителя нашего, тогда мы будемъ соотвѣтствовать благоговѣйному желанію Благочестивѣйшаго Монарха нашего, въ Высочайшемъ манифестѣ своемъ о созиданіи церкви во имя Спасителя Христа, говорящаго: „Да простоятъ сей храмъ многіе вѣки и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ въ дѣлахъ ихъ предковъ“.

Въ 1814 году извѣстный Поздѣевъ ¹⁾ тоже сочувственно отзывался объ идеѣ построить храмъ во имя Христа Спасителя. 2-го мая 1814 года онъ писалъ С. С. Ланскому ²⁾:

Вышеприведенная цитата изъ сочиненій Лажечникова взята изъ его „Походныхъ записокъ русскаго офицера“, напечатанныхъ сначала въ „Вѣстникѣ Европы“ 1817, № 7, смѣсь, стр. 209—225, а потомъ вышедшихъ отдѣльной книгой (Спб. 1820). Ф. В.

¹⁾ Глава московскихъ масоновъ послѣ Новикова. Ф. В.

²⁾ Въ это время С. С. Ланской былъ вторымъ мастеромъ „Провинціальной“ масонской ложи. При Императорѣ Наполеонѣ I онъ былъ губернаторомъ во Владимірѣ и Костромѣ, а при Императорѣ Александрѣ II—министромъ внутреннихъ дѣлъ и дѣятелемъ крестьянской реформы. Ф. В.

„Государь скоро возвратиться не можетъ ¹⁾, пока, думаю, при себѣ не уладить всѣхъ по мѣстамъ. А титулъ самый лучшей Государю—храмъ хотя кирпичный построить Богу-Спасителю отъ него въ Москвѣ, который и обѣщанъ за избавленіе; и надпись сообразная въ стихахъ; а въ Петербургѣ храмъ же за спасеніе съ подписью въ стихахъ же. Это самые лучшіе титулы“ ²⁾.

Въ другомъ письмѣ, къ неизвѣстному лицу, Поздѣевъ писалъ о томъ же: „Что Господь даровалъ изгнать французовъ изъ Россіи, такъ они изгнаны—это чудо будетъ во многіе вѣки; а что хотятъ соорудить храмъ Спасителю, хотя кирпичный, то это лучше театра и клуба, и тутъ-то бы, подлѣ хотя, и въ память князю Кутузову, но подлѣ храма сдѣлать пирамиду изъ пушекъ, взятыхъ у непріятеля ³⁾“.

Для осуществленія высказаннаго въ манифестѣ 25-го декабря 1812 г. намѣренія построить храмъ Христа Спасителя объявленъ былъ конкурсъ, условія котораго сообщены были, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ художникамъ. Собрать проекты поручено было тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода, князю А. Н. Голицыну. Въ 1816 г. въ его кабинетѣ состоялся осмотръ Государемъ присланныхъ уже проектовъ, въ числѣ которыхъ были проекты Гваренги, Воронихина, Михайлова и даже одинъ изъ Италіи; всего представлено было до двадцати проектовъ. Но изъ всѣхъ ихъ Государь остановился на одномъ, какъ наиболѣе его удовлетворявшемъ и вполнѣ выражавшемъ его сокровенныя желанія. Авторомъ этого проекта былъ молодой художникъ Александръ (тогда еще Карлъ) Лаврентьевичъ Витбергъ.

Но останавливаться на грустной исторіи этого проекта не входитъ въ задачу настоящей статьи, и безъ того слишкомъ обширной. По важности и сложности предмета исторія построения храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ по проекту А. Л. Витберга должна составить особую статью.

Ф. Витбергъ.

¹⁾ Онъ былъ въ это время вмѣстѣ съ союзниками въ Парижѣ.

Ф. В.

²⁾ Въ это время, какъ извѣстно, возникла мысль поднести Государю титулъ „Великаго“, отъ котораго онъ отказался.

Ф. В.

³⁾ „Русск. Арх.“ 1872, стр. 1871.

Ф. В.